

ВИЛЬЯМ ВОРДСВОРТ: ПОЭЗИЯ О ПОЭЗИИ

© 2008 г. Н. Я. Дьяконова

Статья представляет опыт проблемно-тематического обозрения стихотворных произведений Вордсворта, посвященных роли поэта и назначению поэзии – вопросу, еще недостаточно освещенному в научной литературе.

The essay gives a conceptual and thematic account of those Wordsworth's poetical works, which reflect upon the role of a poet and the meaning of poetry – an issue deserving further elucidation in contemporary scholarship.

Во все времена поэты испытывали потребность высказываться о предмете своих занятий. В Англии об этом писали уже в эпоху Возрождения (Шекспир, Спенсер), а в XVII–XVIII веках – поэты-философы (Мильтон и вслед за ним просветители), отстаивая диктатуру то разума, то чувства. Длинными стихотворными трактатами о поэзии наградили современников и потомков классицисты Драйден и Поп.

С истинным самозабвением обратились к этим проблемам великие романтики Англии. Сознывая себя учредителями новой поэтической эры, вступая в оппозицию принятому и закрепленному обычаю, они все, в большей или меньшей степени, отстаивали свои принципы путем ниспровержения старых: утверждение росло из отрицания.

Английские романтики не ограничивались теоретическими декларациями в прозе, хотя отдавали им должное [1, с. 261–278]: аналитическая мысль вырастала из поэзии – и перерастала ее. Достаточно вспомнить программные поэтические формулы Вильяма Блейка – его знаменитые афоризмы, звучащие как вопли души.

Такое сочетание характерно и для более поздних романтиков – Кольриджа, Вордсворта, а затем Шелли и Китса. Наряду с прозаическими, убедительно аргументированными определениями поэзии, все они в своих стихах изображают ее могущество: она царствует, потому что прекрасна [2, с. 172–174, 190–191]. Вместе со своими друзьями Сэмюэлем Тэйлором Кольриджем и Робертом Саути Вильям Вордсворт вошел в литературу как участник группы поэтов озерного края Англии (“лейкистов”). Особенно близок ему был Кольридж [3, с. 284–299]. Воплощением их дружбы стал сборник “Лирические баллады” (*Lyrical Ballads*, 1798), по общему мнению, положивший начало английскому романтизму.

“Лейкисты” видели в естественной красоте природы и людей, созревших под ее воздействием, основу художественного творчества. Но Кольридж посвятил себя философии поэзии и во-

площению ее в фантастических образах, складывающихся в миф, прежде всего в миф о становлении человека (“Сказание о старом мореходе”) [4, с. 64–65]. Роберт Саути прославился живым разнообразием своих баллад. В метрических нововведениях, в приверженности народному творчеству Саути вторит “Лирическим балладам”, но остается чужд их высокой духовности (поэтому, вероятно, его рецензия на этот сборник была мало дружелюбна).

Напротив, Вордсворт глубоко верил, что поэзия является “духом и квинтэссенцией познания” [1, с. 270], что она – вернейший путь к постижению истины и смысла человеческого существования: жизни в соответствии с законами морали, религии, служения ближнему. А сам поэт – прорицатель истины и наставник людей, призванный в беспощадно-суровых обстоятельствах современной действительности силою слова облегчать их страдания.

По убеждению Вордсворта, поэзия способна оказывать на читателя сильнейшее нравственное воздействие [1, с. 261], ибо она облагораживает человека, зовет его в мир красоты, причем красоты, скрытой в обыденности. Вместе с тем, обращаясь к случаям и ситуациям из повседневной жизни, поэт стремится “расцветить их красками воображения, благодаря чему обычные вещи предстали бы в непривычном виде” и потому сделались бы интересными для читателя [1, с. 262]. Аналогичным образом в подлинно поэтическом произведении изображение простых и естественных чувств обычных людей может и должно вызвать сильнейшую эмоциональную реакцию, поскольку “истинная поэзия” представляет собой стихийное излияние сильных чувств [1, с. 263]. Именно поэтическое воплощение чувства “придает значение действиям и обстоятельствам, а не наоборот” [1, с. 264]. При этом непосредственное изображение ситуации или переживания, полагает Вордсворт, может и должно соединяться в поэ-

зии с размышлениями общефилософского характера.

Пути осуществления этой задачи посвящено произведение, сопутствовавшее автору более сорока лет, поэма “Прелюдия, или развитие сознания поэта” (*The Prelude, or the growth of a poet's mind*). Начав работу над нею в 1798–1799 годы, Вордсворт вплоть до 1839 г. не расставался с нею, дополнял, сокращал и правил ее, стремясь не просто сформулировать, но и дать возможность читателю ощутить, что такое поэтическое видение мира, его “неиссякаемая музыка” [5].

Обширная и подробная автобиографическая поэма построена так, чтобы раскрыть длительный процесс созревания поэта. Многие её эпизоды вдохновлены пылкой благодарностью героя-автора горам, лесам, водопадам, туманам, ветрам, позволившим ему пребывать в вечном общении с создавшим их Богом, с одухотворяемой им природой и тем самым спастись от злобы и эгоизма, на которые обречены люди, не вглядывающиеся в естественную красоту мира [6].

Под влиянием прекрасного душа сбрасывает покровы, навязанные ей бытом, и, “нагая, предстает перед Богом” [7, IV, 150–157]¹. Прямой рассказ о созревании поэта сопровождается обобщающими размышлениями о том, что для воспитания поэтического склада ума едва ли меньше, чем природа, значат книги, несущие вечную мудрость и вечные образцы для подражания. Гомер, Ветхий Завет, Шекспир, Мильтон, народные баллады и песни, детские сказки – их поэтичность может передать только поэзия [8, p.113].

Восторженно описывая свои переживания, Вордсворт тут же переходит к резким отзывам о ложных премудростях рационалистической поэзии и в частности о тонкостях классицизма [9, p. 107–115]. Искусственность его отражает гнетущую пошлость земной жизни, противостоять которой может только “дух природы, красоты и стойкости, питающий истинную поэзию” (7, VII, 765–776). Раскрывая глубоко личный процесс своего творчества и его источники – природа и умудренные общением с нею простые люди, – Вордсворт противопоставляет их инстинктивную мудрость увлекательным, но ложным надеждам, пробужденным Французской революцией 1789 г.

Идеи Вордсворта обретают плоть и кровь, так как воплощены в образах, выражающих их новизну и смелость и потому глубоко врезающихся в сознание. Поэтичность мира одушевляет посвященные ей стихотворные строки, возвышается в них до подлинного, т.е. не нарочитого искусства,

близкого природным началам, – и находит его в стихах о сельских тружениках.

Вордсворт прямо говорит, что свой долг видит в продолжении недопетого Мильтоном романтического сказания о подвигах мужества и вдохновенной любви [10, с. 168–176]. Он стремится к философской песни об истине, которая воодушевляет страстные размышления, искания и сомнения [7, II, 227–238]. Из переживаний юношеских лет Вордсворт вынес “способность видеть” (*visionary power*), которая открыла ему тайны поэзии [7, II, 316–322]; (см.: [11, p. 269]).

Особенно насыщены теоретической мыслью о назначении поэзии политически окрашенные книги “Прелюдии”.

Путь к поэзии, как понял Вордсворт, зависит не от воли отдельного человека, но от могущества природы, единой, как Солнце на небе. Величие творчества доступно самым смиренным, если они могут видеть спасение в твердости надежды, в вере в себя, в стойкости, возвышающейся над мелочностью бытия [7, X, 140–160]. С одинаковым рвением исследуя неизбежность как возникшей во Франции революции, так и подавления ее жестокости, Вордсворт снова и снова доказывает, что сильнейшие идейные противоречия могут быть осмыслены только поэтическим сознанием и выражены на языке эмоций, ибо ему одному подвластны логически непостижимые интеллектуальные и социальные процессы [7, X, 395–410]. Соответственно, несказанный кровавый ужас переживаемый Францией, может быть постигнут не методами наблюдения и анализа, а путем поэтического воссоздания его как грандиозного драматического действия, напоминающего взрывы музыки (*blasts of music*) [7, X, 461].

Воображение, а также родственная ему фантазия позволяют по-новому воспринимать читаемые книги, видеть в обыденных сторонах жизни и их описаниях новый смысл [7, VIII, 340–350]. Фантазия ведет невинного юношу к полноте зрелости [7, VIII, 457–473].

Теоретические декларации сливаются в “Прелюдии” с лирическими признаниями, а они воплощаются в динамике описаний и живых сценков. На разные лады они иллюстрируют мысль Вордсворта: самые жалкие существа в свете воображения и фантазии преображаются и становятся носителями душевного благородства и любви [7, VIII, 476–499]; дело поэта воспроизвести реальные попытки устранить социальные бедствия и найти общее счастье [12, с. 19–49]. В рассказе Вордсворта о том, что помогло ему пережить горькое разочарование в ценностях, провозглашенных Революцией, органично соединяется урок поэта Грея, воспевавшего утешительную силу искусства, и преданная, всепонимающая любовь сестры: она убедила его в том, что он найдет спа-

¹ Здесь и далее при ссылке на издание [7] римской цифрой обозначается номер песни (“книги”), арабской – номера строк.

сение не только для себя, но и человечества, если раскроет ему необъятные возможности поэзии. Именно в этом, доказала она ему, заключено его истинное назначение: он должен убедить читателей в единстве природы и любви, показать им, как из согласия головы и сердца вырастает истинное познание [7, XI, 340–357].

Завершается поэма описанием неземной красоты альпийских гор, через которые ведет Вордсворта путь к родному дому. Наглядность описания подтверждает главное положение его эстетики: вечность красоты сохраняют не только естественные процессы, но и видение поэта: оно помогает ему блеском образов спасти людей от уныния, переживания бессмысленности бытия. Он отвоеует у омраченного тучами неба безграничность мысли, великолепие живописи и музыку вселенной [7, XI, 450–460]. Вордсворт верит, что поэтам дано предсказать появление тех, кому суждено обратить человечество в единое братство [7, XII, 68–79]. Они смогут совершить это, так как стремятся к своему назначению с детских лет, когда интуитивное постижение прекрасного готовит к познанию и опыту [7, XI, 220–233], к победе ума [7, XII, 220–236].

“Прелюдия” была задумана как анализ событий, определяющих духовное развитие поэта и позволяющих ему раскрыть современникам и последователям смысл переживаемого ими исторического и психологического опыта; она объясняет, что именно делает поэта способным писать “о времени и о себе”.

Эта проблема обсуждается также и в произведениях, прямо связанных с “Прелюдией”, – в философской поэме “Отшельник” (The Recluse), так и не состоявшейся, в экспериментальных поэмах “Вина и скорбь” (Guilt and Sorrow) и “Разрушенная хижина” (The Ruined Cottage). Размышления о том, как должно писать во спасение рода людского, не покидают поэта [7, XIV, 444–445].

Не говоря о поэмах откровенно назидательных, даже простейшие повествования устремлены у Вордсворта к формулировке задачи поэзии. Таковы поэмы “Майкл” (Michael), “Братья” (The Brothers), в которых отчетливо звучит мысль о том, что только поэтическое чувство может придать обыкновеннейшим сюжетам о денежных потерях и хозяйственных ошибках возвышенный, художественный характер. Поэтической оказывается не традиционная стихотворная речь, не возвышенность сюжета, а погружение героев в неумолимую прозу быта, осмысленную в её трагизме.

Многие из его поэм и баллад (нередко столь же длинных), устремлены к новому толкованию поэтического начала. Баллада “Слабоумный мальчик” (The Idiot Boy), полная подробностей,

казалось бы, недопустимых в стихотворении, раскрывает, согласно замыслу поэта, глубоко запрятанное от поверхностного взгляда высшее нравственное начало – жертвенную любовь [13, с. 231–233].

Подробное описание “низменных” деталей в “Сборщике пиявок” (The Leechgatherer) становится отправной точкой для открытия прекрасного как сущности действительности, пробивающейся через неприглядную оболочку. С скромный сельский праздник на ярмарке у подножия Гельвеллина в VIII книге “Прелюдии” обретает красоту, ассоциируясь с местными обычаями, легендами, верованиями, с описаниями старых поэтов. У них тоже красота проявляется не в формальном совершенстве, а в верности трагизму жизненной борьбы. Разглядеть прекрасное в тощей овце возле увядшего куста у голой каменной стены, в девушке, идущей в гору против ветра с кувшином на голове [7, XII, 245–269, 289–290], – вот назначение поэта! Концепция красоты как побежденного уродства и убожества придает высокий смысл исканиям Вордсворта (см., например, “Элегические стансы, вызванные ассоциацией с картиной *Замок Пиль во время грозы*” – *Elegiac stanzas suggested by a Picture of Peele Castle in a storm* – [14, с. 30–95]).

Сложные образы, выраженные простыми словами, подчинены борьбе Вордсворта за поэзию, которая учит и возвышает. Банальный сюжет – страдания брошенной женщины, обреченной на одинокое и постыдное, по общему мнению, материнство, приобщается к поэзии как воплощение силы и независимости любви (“Терн” – *The Thorn* – [15, р. 24]). Думы о поэзии, звучащие одновременно как личные признания и веские умозаключения, тут же превращаются в зарисовки, образы, картины.

После “Прелюдии” совокупность эстетических взглядов Вордсворта полнее всего выражена в поэме “Прогулка” (The Excursion, [16, v. I, р. 814]), хотя в ней уже заметны признаки того, что пора высших художественных достижений поэта уже позади (см. [17, с. 183]). В то же время нельзя не отметить и своеобразие позиции Вордсворта. Основу поэмы составляют долгие беседы рассказчика-поэта и его спутников: Странника (The Wanderer), Одинокого (The Solitary) – священника, утратившего как политические верования (во Французскую революцию), так, отчасти и религиозные, и потому отстранившегося от церкви, – и Пастора сельского кладбища. Хотя главное место в поэме занимают богословские и политические споры, “Прогулка” уступает только “Прелюдии” в утверждении значимости общественной и духовно-нравственной роли поэта.

Вордсворт заявляет, что хотел бы возвестить читателю “об истине, величии, красоте, любви и

надежде, об унылом страхе, побежденном верой, о благословенном утешении в горести, о нравственной и интеллектуальной силе” (Of truth, of grandeur, beauty, love and hope – / And melancholy fear subdued by faith, / Of blessed consolation in distress, / Of moral strength and intellectual power” (Preface [16, v. II, p. 37–38]). Рождение надежды, заявляет поэт, будет способствовать слиянию мысли и образов, которое обычно проявляется в преобразовании внешних впечатлений в осознанное мировосприятие, окрашенное яркими красками воображения. Оно учит поэта страдать вместе с теми, чьи страдания он наблюдает (to suffer with those he saw suffer) и не отвращать свое сердце от естественной мудрости (from natural wisdom turn our hearts away [16, v. II, p. 50]). Только питающая истинную поэзию глубина философской мысли открывает красоту в воспроизведении богатства вселенной. Воображение поэта создает правильную перспективу, смягчает порочность интеллектуального рабства, порожденного расчетливым рассудком (understanding). Поэт пишет о целебном воздействии веры в абсолютную доброту Бога и в спасительную силу воплощенной в нем любви.

В мудрости любви и веры Вордсворт ищет путь к пониманию назначения человека как части общества (social man). Человек только тогда достоин этого звания, когда может подняться над собой [16, v. II, p. 124–125], когда хранит в себе сокровища воспоминаний – о пережитом и о прочитанном, о великом чуде книг, кладезе высших ценностей, более всего свойственных простым людям, облагороженным трудом [16, v. II, p. 230–231].

Бесконечно варьирующаяся и повторяющаяся мысль о поэзии как пути к учреждению царства любви и красоты на земле воплощается в приводимых собеседниками жизненных историях [16, v. II, p. 282–284]. Обозревая череду событий – неустанную борьбу, наступление тирании, – Пастор приходит к мысли, что дело мира охраняют простые люди [16, v. II, p. 143]. Они победят, и постепенно все заблуждения и жестокость отступят пред ликом Бога. Рисуя ужасную картину общего падения нравов, Вордсворт предостерегает, что разрушение естественной человечности может быть непоправимым, если человек предельно унижен и находится во власти зла. Спасение только в великодушии, справедливости, благожелательности, активной доброте, чистоте мысли [16, v. II, p. 270–271]. Когда распушенность и зло будут искоренены, их место займут добродетель и набожность. Тогда, как дань правлению Небес, восторжествуют песни “очеловеченного” (humanised) общества – песни, проникнутые любовью, и петь их сможет только поэт, вдохновленный сельской музой [16, v. II, p. 277–278, 284–285, 289].

Так “Прогулка”, если вспомнить формулу Шелли, оказывается “Защитой поэзии”.

С точки зрения большинства читателей, эпические поэмы Вордсворта с их повторяющимися назиданиями уступают его лирике [17, с. 14–15; 18]. Во многих стихах он откровенно говорит о себе и своем творчестве, им владеет “мудрая пассивность” (wise passiveness), которая питает душу и поэзию (“Увещевание и ответ” – Expostulation and Reply). По подсказке бдительного сердца, она противостоит “бесплодным листьям” науки и отвлеченного искусства (Enough of science and of art! / Close up these barren leaves, / Come forth and bring with you a heart that watches and receives) – “Все наоборот” (The tables turned).

В стихотворении “Эпитафия поэта” (A poet’s epitaph) Вордсворт формулирует свой долг: довести открывшееся ему понимание поэзии до сознания каждого [19]. Поэт – не политик, не врач, не философ, не ботаник, а тот, кто познает власть неба, холмов, долин, уединения – и тем самым может высказать нам простую истину.

Чем проще мелочи, привлекающие внимание поэта, тем больше надежды у него осуществить свое призвание. В этом смысле многозначителен рассказ о “Старом охотнике Саймоне Ли” (Simon Lee the old huntsman). Глубоким стариком после долгих трудов он извлек из земли мешавший ему черепок. Так он доказал, что энергичному человеку чужды скука и безразличие, он во всем может найти интерес, а рассказавший о нем может утвердить свое право называться поэтом.

По Вордсворту, всепобеждающее могущество поэзии заключено в даруемой ею мудрости: она выпадает на долю тех, кто даже в отроческие годы рвется к наблюдению над простейшими явлениями природы – например, жалкими цветочками (“Ода об откровениях бессмертия” – Ode on the intimations of immortality from recollections of early youth). В этой оде, как и в известном цикле сонетов к реке Даддон (The River Duddon. A series of 6 sonnets), ключом к постижению мира провозглашается воображение, питаемое красотой природы и воспевающих ее произведений.

Воззвание к великим поэтам (Шекспиру, Петрарке, Тассо, Камюэнсу, Спенсеру, Мильтону) – их наследниками станут все люди на земле – превращается в своеобразные мольбы о спасении (“Не презирай сонета” – Scorn not the Sonnet). С образами прекрасного в природе неизменно соединяются у Вордсворта моральные критерии, призывы к жалости, прощению, самоограничению.

О спасительной силе поэзии говорят стихи, обращенные к Мильтону (Milton! Thou shouldst be living at this hour), стихи “О великих людях” (Great men have been among us), руки которых начертали, а уста изрекли слова мудрости, а также стихотво-

рение без названия, где говорится, что у нас нет выбора: “мы должны либо быть свободны, либо умереть, ибо говорим на языке Шекспира и придерживаемся веры Мильтона”. Только великий поэт может быть вершителем судеб отечества, предсказать радости и горести на его пути и оправдать его заблуждения. Во имя доблестей свободы он сулит любимой родине спасение от долгих лет пороков и унижения (It is not to be thought). Следовательно, поэт должен стимулировать не только преданность родине, но и критику ее. Горько упрекая Англию за угнетение других стран, Вордсворт пишет: “Горе нам, ведь к тебе обращены самые сильные надежды мира” (Oh Grief that the world’s best hopes rest all with thee!). Поэт, скорбящий о нравственном падении родной страны, предстоит перед нами в благородстве бескорыстия и смелости – гарантии бессмертия (“Else wherefore would the eye of man converse with immortality”) – “Над необъятным миром” (O’er the wide world).

В “Заключении” к “Сонетам о реке Даддон” Вордсворт с удовлетворением говорит о том, как поэты помогают познать вечность прекрасного, которое способно вернуть смертным свободу духа. Для этого они должны быть независимы, не опираться на правила, не бояться критики: ведь только из божественной силы жизни (divine vitality) вырастают и крошечные цветы, и огромные деревья. “Да будет искусство твое едино с природой” (thy art be nature), – призывает он поэта (“Сонеты и стансы” – Sonnets and stanzas) [20].

Мольба о свободе и духовности как главном условии литературного успеха звучит в стихотворении “В защиту авторов” (A plea for authors). Свободе поэт учит у детей: душа их так чиста, что даже их вранье своей простодушной наивностью и бесхитростностью учит взрослых говорить правду, дабы не злоупотреблять их невинностью (“Анекдот для родителей, показывающий, как обучиться искусству лжи” – Anecdote for fathers, showing how the art of lying can be learned).

Пристально вглядываясь в творения искусства, Вордсворт часто приходит к парадоксу: как непосредственность детского лганья открывает сердцу понимание правды, так же свежесть весенней зелени может сказать нам больше о человеке, о добре и зле, чем все мудрецы вместе взятые (“Наоборот” – The tables turned). Таково же вызывающее утверждение, будто прославленная поэтичность одиночества волнует меньше, чем пение кипящего чайника (“Личный разговор” – Personal talk).

Сходным образом среди женщин самые прекрасные не те, что наделены внешними чертами ангела, но те, чья красота не бросается в глаза и таится в глубинах души (True beauty dwells in deep retreats / Whose veil is unremoved – To...), а пение

простых красногрудок чарует больше, чем соловьиные трели.

Хотя поэзия парит в облаках и на горных вершинах, она рада спуститься на землю к крошечным птичкам и червячкам. Разве она от этого теряет божественность или прелесть фантазии? Тому, кого честолюбие ведет к таким мыслям, Вордсворт советует склонить голову перед смиренным алтарем (“Хотя смелые крылья поэзии...” – Though the bold wings of poetry...).

Если верить в возвышенность смирения, то образцом поэзии можно счесть песню “Одинокой жницы” (The solitary reaper), ибо поет она о том, что доступно всем – о вновь и вновь повторяющихся обыденных горестях и утратах. Возведение обыденного до уровня, достойного искусства, побуждает Вордсворта к новому анализу воображения, его роли в творческом процессе и его возникновения в детские и отроческие годы. Именно воображение лежит в основе формирования личности и деятельности поэта (“Влияние природы на развитие воображения в детстве и отрочестве” – On the influence of natural objects on calling forth and strengthening the imagination in boyhood and early youth).

Иллюстрацией священной власти воображения является стихотворение “Слаба воля человека” (Weak is the will of man). Влияние его неизмеримо, потому что оно способно возвысить плоские рассуждения разума и осветить своими лучами мрак бытия. Воображение распознает цветы веры и обвивает чело страждущих венками, смягчающими их переживания.

Обращение к простейшим предметам подсказано познавательной направленностью воображения, исследующего низкое и высокое, простое и сложное (“Маргаритке” – To the Daisy, “Дуб и куст” – The oak and the broom). В конкретных поэтических образах раскрывается глубина теоретической мысли; поэзия обогащает нас мудростью красоты. Анализ воображения как эстетической категории сплетается с воспеванием его плодов.

Главная тайна поэзии, по Вордсворту, заключается в том, что осмысление ее сущности возможно не в принципиально чуждых ей рационалистических декларациях, а лишь на языке образов. Свой долг он видит в просвещении читателя словами, показывающими неразлучность идеи и ее воплощения, единство мысли и чувства [21]. Тогда величайшая мудрость воспринимается как нечто естественное: “Нередко мудрее всех тот, / Кто не обладает мудростью” (And he is oft the wisest man / Who is not wise at all) – “Дуб и куст” (The oak and the broom). Такая мудрость выпадает на долю мальчика, наблюдающего игру котенка с облетевшими листьями (The Kitten and the falling leaves). Для искусства нет темы слишком незначительной. Исключением не будет даже “Изобра-

жение коробочки для иголок в виде арфы” (On seeing a needle-case in the shape of a harp). Такая крошечная арфа радует эльфов, гномов, пигмеев – и одинокую девуцу, тщетно мечтающую о любви: ведь любовь вольна в выборе своего предмета (Though 'mid the stars the Lyre shines bright / Love stoops as fondly as he soars).

Как образец барда, чье предназначение – пробуждать простые сердца, предстает в стихах Вордсворта Вальтер Скотт. Его песни о горах и ручьях славят вечную красоту и потому оказываются вечным нравственным уроком [22, р. 247]. Его сопровождают благодарность и молитвы всего света, достойного его любви и описания (“Снова в Ярроу” – Yarrow revisited, “Сонет об отъезде Вальтера Скотта из Аботсфорда в Неаполь” – Sonnet on the departure of Walter Scott from Abbotsford for Naples). Возрождаемые в его творчестве народные песни воскрешают героическое прошлое, объединяют историю с легендами и народной мудростью.

Сложность этической и эстетической позиции поэта выступает особенно явственно в завершающем сборник “Лирических баллад” стихотворении “Аббатство Тинтерн” (1798). Суровое величие уединенного сельского пейзажа, которое с особой силой – после пятилетнего перерыва – ощущает лирический герой, побуждает его заново пересмотреть свое прошлое. Теперь минувшее, настоящее и будущее сливаются для него воедино. Более того, радость непосредственного переживания красоты природы позволяет ему испытать необычайный духовный подъем, ощутить счастье единения и гармонии с миром и вечностью. В то же время этот миг внутреннего озарения возведен деловито прозаическим заглавием: “Строки, сочиненные на несколько миль выше Аббатства Тинтерн при повторном посещении реки Уай 13 июля 1798 года” (см. [23, с. 38–41]).

Поздние стихотворения Вордсворта порой напоминают молитвы; у Бога он ищет поддержку в выполнении главного долга поэта – утешать, веселить сердце бедных странников земных. Охраняя общее благополучие, соединяя традиции прошлого и настоящего, страна, послушная слову поэта, противостоит бедствиям и лишениям, если его искусство восторжествовало над жизненной борьбой (Art triumphant over strife / And pain has power to eternity endeared).

Людские трагедии, и прежде всего муки Христа, его окровавленное чело составляют единство скорби и величия, воспеть которые поэты обязаны во имя просвещения ближних [24, р. 42].

В последние свои творческие десятилетия Вордсворт пишет стихи, напоминающие пересказ прежних. Таков, например, “Полуденный гимн труженика” (A laborer’s noon-day hymn). Он грозит

Музе, что прекратит все отношения с нею, если она перестанет учить нас мыслить и любить.

Прямолинейные политические “предупреждения” (The warning) чередуются с трогательными историями: о добром мальчишке-пастухе, соорудившем крест для всех нуждающихся (The Norman boy) и доброй девочке, научившейся бить в церковные колокола (The Westmorland girl), о райской птице (Bird of paradise), божественную красоту которой поэт не сразу научился ценить, о девушке, добившейся спасения людей с гибнущего корабля (Grace Darling). Все это полно бесконечных повторений и банальностей, от которых предостерегал молодой Вордсворт [25, р. 565–604].

Несовершенства Вордсворта не раз отмечали современники и потомки. (Достаточно вспомнить пародию Шелли “Питер Белл третий” – Peter Bell the third). Однако они же воздавали должное автору “Лирических баллад”, и значение его как поэта-первооткрывателя стало господствующим в истории литературы. Одним из первых русских почитателей Вордсворта был Пушкин [26, с. 25–33].

Не довольствуясь сочетанием глубокой мысли со смелой образностью, Вордсворт наглядно демонстрировал неразрывность этой связи, доказав, что именно она составляет главное отличие поэзии. Стихи, посвященные труднейшей задаче поэта, стали стихами о поэзии, ее законах и путях их художественного воплощения². Написанные как будто на самые частные, ничтожные темы, они раскрывают тем не менее магическое свойство поэзии решать сложнейшие вопросы бытия и побуждать к их решению читателей.

Вордсворт твердо верил в назначение поэзии славить природу, Бога, любовь, всё прекрасное на земле и на небесах, а также тех, кто себя ему посвятил: художников, музыкантов, поэтов. Многократные философские обоснования неизменности своего служения поэзии превращают его рассказы о своей жизни в искусстве в нескончаемую исповедь, самоанализ, лирический монолог, ха-

² Разумеется, к проблеме поэзии Вордсворт обращался и в других стихотворениях. Назову лишь некоторые из них: “Строки, написанные вечером на Темзе, недалеко от Ричмонда” (Lines written near Richmond upon the Thames at evening); “Джоанне” (To Joanna); “Как отрадно” (Most sweet it is); сонет “Поэт и голубка” (The poet and the young turtle-dove); “Свобода” (Liberty); “Сонеты, сочиненные или задуманные во время путешествия в Шотландию” (Sonnets composed or suggested during a tour in Scotland); “Возчик” (The Waggoner); “Нарциссы” (The daffodils); “Как изобразить тебя?” (How shall I paint thee?); “Откуда эти немзыкальные слова, певец?” (Why, minstrel, those untuneful murmurings?); “Часовня в Ситуайте” (Seathewait chapel); “Воспоминания о странствиях на материке Посвящение” (Memorials of a tour on the continent Dedication); “Предисловие к сборнику стихов о ранних и поздних годах” (Prelude prefixed to the volume of poems chiefly of early and late years); “Воспоминания о путешествии в Италию” (Memorials of a tour in Italy).

ракторный для литературы романтизма, и вместе с тем – в своеобразную теорию литературы.

Убежденность в жизнеопределяющем значении поэзии, долгие и упорные поиски, ведущие к решению задач стихотворца, дают Вордсворту право на благодарную память читателей. Он ставил себя писать одинаково просто о самом простом и о самом сложном, лишь бы обыкновенные люди прониклись созданными им картинами естественной жизни – жизни согласно законам природы. Значительная доля эпических и лирических произведений Вордсворта в равной мере посвящена рассуждению о стихах и их художественному воплощению; его стихи, стало быть, не просто “поэзия”: это – поэзия о поэзии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вордсворт В. Предисловие к “Лирическим балладам” // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980.
2. Дьяконова Н.Я. Английский романтизм. Проблемы эстетики. М., 1978.
3. Дьяконова Н.Я., Яковлева Г.В. Творчество Кольриджа в европейском контексте // Язык, литература, эпос. К 100-летию со дня рождения академика В.М. Жирмунского. СПб, 2001.
4. Дьяконова Н.Я. Поэма Кольриджа о путешествии Старого Моряка // МПГУ. XVII Пуришевские чтения. М., 2005.
5. Дьяконова Н.Я. Поэма Вордсворта “Прелюдия” и проблемы английского романтизма // Мир романтизма. Том 11 (35). К 45-летию научной деятельности профессора И.В. Карташовой. Тверь, 2006.
6. Stones P.J. The Quest for maturity. A study of William Wordsworth's The Prelude. Salzburg Studies in English literature. 1974.
7. Wordsworth William. The Prelude, or the growth of a poet's mind. Ed. by Maxwell J.C. Harmondsworth, 1978.
8. Owen W.J. B. Wordsworth as critic. Univ. of Toronto press, 1971.
9. Havens R.D. The mind of a poet. A study of William Wordsworth's thought in special reference to the Prelude. Baltimore, 1942.
10. Сгибаева Г.Ф. Идеино-эстетические основы поэтики Вордсворта (1798–1818). М., 1979.
11. Gill S. William Wordsworth. A life. Clarendon: Oxford press, 1989.
12. Зыкова Е.П. Поэт озерного края // Уильям Вордсворт. Избранная лирика. Составление, предисловие и комментарии Е. Зыковой. М., 2001.
13. Карельский А.В. Уильям Вордсворт. Слабоумный мальчик // Литературное наследие. 1992. № 1.
14. Дьяконова Н.Я. Вильям Вордсворт и Джон Китс. Сонет “Созерцающая прекрасную картину” и “Ода греческой вазе” // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 65. 2006. № 6.
15. Durrant G. William Wordsworth. Cambr. univ. press, 1969 / 70.
16. Wordsworth William. Poems. Vols. I–II. Ed. by Hogden J.O. Penguin books, 1971.
17. Елистратова А.А. Наследие английского романтизма и современность. М., 1960.
18. Уильямс Джон. Романтический национализм в подтексте поэмы Вордсворта “Прогулка” // Мир романтизма. Т. 9 (33). Тверь, 2001.
19. Bostetter E.E. Wordsworth // Bostetter E.E. The romantic ventriloquists. Univ. of Washington press. Seattle, 1963.
20. Шумс П.Д. Становление Вордсворта как поэта // Современные зарубежные исследования по романтизму. М., 1996.
21. Chandler J.K. Wordsworth's second nature. A study of poetry and politics. Chicago; London, 1954.
22. Watson J.R. Wordsworth's vital soul. The sacred and profane in Wordsworth's poetry. London, 1981.
23. Дьяконова Н.Я. Стихотворение Вордсворта “Аббатство Тинтерн” (Сборник “Лирические баллады”, 1798) // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 63. 2004. № 6.
24. Kelley T.M. Wordsworth's revisionary aesthetics. Cambr. univ. press, 1988.
25. Jones M. Interpretation in Wordsworth and the provocative theory of romantic literature // Studies in romanticism. Vol. 30. № 4. 1996.
26. Дьяконова Н.Я. Пушкин и Вордсворт // Филологические науки. 2003. № 14.